

УДК 902.2 (477.73)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДИЩА ДИКИЙ САД*Кирилл Горбенко*

Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского
Украина, 54003, г. Николаев, пл. Адмиралтейская, 1
e-mail: dikiysad@ukr.net

Завершающей археологической культурой эпохи бронзы на юге современной Украины стала Белозерская. Памятники этой культуры раскинулись на степных просторах Надчерноморья и Надазовья и состоят из поселений, курганов, грунтовых могильников, мастерских литейщиков и кладов (более 160 поселений и свыше 800 захоронений), которые охватывают территорию от Дуная до Дона.

Белозерская культура, с одной стороны, завершает бронзовый век, а с другой – дает толчок новой эпохе – раннего железного века, когда в нашем регионе появились первые письменные народы – киммерийцы и скифы, когда стали возникать первые политические объединения и государственные структуры [1]. Носители белозерской культуры достигли достаточно высокого уровня развития родоплеменных отношений, вплотную подойдя к формированию раннегосударственных структур. Высокий уровень социальной градации общества четко фиксируется по материалам погребальных комплексов (право на захоронение под могильной насыпью получают вожди племени или союза племен).

Кроме этого, поселения белозерцев располагались на достаточно большом расстоянии друг от друга, что также требовало создания четкой социальной организации для установления контроля над большой территорией, т.е. население нуждалось в межплеменном центре. Исходя из многолетних раскопок на территории города Николаева таким межплеменным центром, своеобразной «столицей» белозерских племен, вполне могло быть городище, которое сегодня называется Дикий Сад [2].

Название местности, где расположен археологический памятник, восходит еще к началу XIX в., когда возле дома главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева был разбит сад фруктовых и декоративных деревьев, который к началу XX в. «одичал». С высоко-

го плато открывается широкая панорама на слияние рек Южный Буг и Ингул, а также на судостроительный завод имени 61 коммунара – верфи, с которой собственно и начинался город Святого Николая [3].

В конце 1920-х годов директор Николаевского краеведческого музея Феодосий Тимофеевич Каминский обратил внимание на обломки керамической посуды, кости животных, которые вымываются дождями на месте древнего оврага. Следуя исторической топонимике, Феодосий Тимофеевич сохранил это название для нового археологического объекта – поселения Дикий Сад.

Топография городища и хозяйственная деятельность его населения

Городище расположено на ровном плато при слиянии рек Южный Буг и Ингул, в самом историческом центре современного города. С юга городище ограждено улицей Набережной и современной насыпью, закрывшей сточную канаву, которая образовалась в первой половине XX в. на месте древнего оврага; с севера его ограждают современные постройки, частично уничтожившие древний культурный слой, и остатки древней промоины, которая была приспособлена жителями городища к оборонительным потребностям (внешний ров); с запада Дикий Сад ограждают современные жилые дома, которые, по всей видимости, уничтожили культурный слой в его западной части; с востока естественной границей является обрыв, террасами спускающийся к реке Ингул (рис. 1).

Во время своего существования (по радиоуглеродному датированию C^{14} диапазон составляет 1186 ± 80 – 925 ± 50 гг. до н.э.) Дикий Сад занимал высокий мыс обрывистого края плато левого берега реки. Мыс со стороны степи ограждался оврагами и двумя рвами между ними. Общая площадь сохранившейся территории городища более 4 га [4].

Конструктивно городище состояло из огражденной рвом «цитадели», «предместья» и «посада», который располагался за внешним рвом. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс.

По состоянию на 2016 год раскопано более 6500 м² площади Дикого Сада (47 археологических объектов). Среди них – 37 помещений с прилегающими дворовыми площадками; три хозяйственные ямы за пределами помещений «предместья» (две ямы возле помещения 1 и одна яма возле помещения 15); два рва (ров вокруг «цитадели» и ров вокруг всего городища); площадка вдоль рва цитадели с остатками оборонительных конструкций; ритуально-культурный пандус; центральная площадка «цитадели», центральная площадка дальнего «предместья» – 21 яма хозяйственного и ритуального назначения, одна яма за внешним рвом (рис. 1). Ямы располагались на ровной площадке между жилищами, образуя своеобразную центральную хозяйственную площадь «предместья». В них были зафиксированы остатки керамической посуды, кости животных и рыбы, остатки обугленных зерен проса обычного, ячменя, пшеницы двузернянки, культурного винограда и древесного угля.

Большинство помещений и сооружений возникли одновременно и локализуются на выровненной площадке. Находящийся с севера овраг с очень широким устьем образовывал значительный конус выноса, создавая естественную навигационную ситуацию – мол – причал и обеспечивал удобный ступенчатый подъем на городище со стороны реки. На противоположном берегу реки находилась боровая песчаная терраса. Вокруг городища росли смешанные леса с березами, соснами, дубами, липами, вязами, ясенем, ивами и ольхой. Они обеспечивали местных жителей древесиной разных пород и продуктами охоты (кабан, волк, лисица, благородный олень, сайга, заяц-русак). Эти природные богатства, кроме мяса и шкур, давали жителям Дикого Сада и технологический продукт – кости животных, рога оленей и клыки кабанов для изготовления различных инструментов и предметов.

Кроме этого, одним из главных достоинств местоположения было обилие различных пород рыб (сом, судак, щука, осетровые, карповые), для которых слияние водных потоков было наилучшей кормовой базой, а заливы с небольшими заливными лугами – нерестилищами. Степная часть территории во-

круг городища была приспособлена жителями Дикого Сада для пастбищ, которые в силу природных условий позволяли круглогодично выпасать домашний скот (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья). В то время наши степи были злаково-разнотравные (сегодня типчако-ковыльные). Так как климат в XIII-XI вв. до н.э. был более мягким и влажным, жители городища находились в более благоприятных экологических условиях, которые позволяли им развивать и земледелие (выращивали пшеницу двузернянку, ячмень, просо) [5].

Исходя из анализа экологических условий в топографии региона – это самое комфортное место для развития комплексного сельского хозяйства (скотоводство и земледелие) и промыслов (рыболовство и охота).

Причины возникновения и стратегическое положение городища

Основными причинами возникновения городища стали – субъективно-географическая (это самая северная точка Черноморского побережья с выходом на широкие степные просторы) и объективная (поиск удобных путей к Волынским и Балтийским месторождениям янтаря). Кроме этого, низовья рек – удобная перевалочная база сухопутно-морского пути (перекресток путей по линии Восток-Запад – Север-Юг).

От начала освоения территории остались объекты – помещение с «пандусом» и нижний культурный слой внешнего рва, отделенный от верхнего заполнения хиатусом. Керамический материал в этих объектах также типологически более ранний.

Второй основной этап представлен уже сложившейся системой планировки города – «цитадель», ров, «предместье» («предградье» – «*sanabae*»), «посад» – что соответствует «классическому» определению понятия «город» – «*urbs*». На нескольких объектах заметны следы разрушения и пожара. В заполнении помещений и рва найдены фрагменты черепов и отдельных костей человека. Но отсутствие наконечников стрел в культурном слое не дает возможности говорить о военном штурме городища. Зафиксированные следы вторичного использования уже разрушенных помещений с сооружением более легких плетенных и камышовых стен и наличие керамики, характерной для степных курганных погребений более позднего времени, говорит об изменениях в регионе с началом железного века. Зафиксированные артефакты свидетельствуют

о том, что Дикий Сад как социально-экономический центр – городище, перестал функционировать и использовался как традиционный административно-культовый центр для далеких торговых связей. Об этом свидетельствует и практическое отсутствие материалов в верхней части заполнения рвов.

В геополитическом плане городище контролировало основные меридиональные сухопутные пути по водоразделам. Причем действительно здесь находится самый короткий путь к прямому водоразделу между Южным Бугом и Днестром – водоразделу, ведущему к самым удобным выходам в Центральную и Северную Европу. И с Запада, и с Востока гидрографическая сеть для пути на Север сухоходом настолько запутана и сложна, что этот водораздел использовался с эпохи неолита до средневековья, по нему сарматы проникали в Центральную Европу (Венгрию), а готы – в Северное Причерноморье и Крым.

Поймы рек с песчаными косами, с узким и мелким перекатом между ними – идеальное место для переправы наземных караванов и крайне неудобное место для судоходства. Одно из таких образований было и в районе слияния Ингула и Южного Буга. Городище контролировало очень важный транспортный узел в виде переправ и удобной гавани. Все эти феномены зафиксированы в историческое время, и лишь подъем уровня воды за последние 100 лет скрыл, а местами размыл, эти образования. В районе Дикого Сада осуществлялась перегрузка с морских судов на речные долбленые лодки. Дальше движение продолжалось до Бугских порогов, где существовал более удобный выход на водораздел Буга-Днестра, который выводил на путь до Центральной Европы и Балтики. С экономической точки зрения варианты пути на север почти равнозначны. Сушей путь длиннее, а водный – неудобен, т.к. приходилось плыть, хоть и против незначительного, но течения. А вот обратный путь, который шел с севера, особенно при максимальной загрузке, с водным вариантом давал значительную экономию по затратам времени и сил. Весь маршрут от Ю. Буга до верховьев Западного Буга и Яблонецкого перевала не имеет ни одной переправы и является наиболее коротким. Таким образом, важное стратегическое положение городища Дикий Сад, несомненно [6].

История исследования

Первооткрывателем городища Дикий Сад можно считать известного николаевского

археолога и краеведа Феодосия Тимофеевича Каминского (1888 – †1978), который с 1923 по 1929 год возглавлял Николаевский историко-археологический музей. На протяжении многих лет он собирал и изучал материалы древних поселений, занимался историей и культурой родного края.

Ф.Т. Каминский начал собирать подъемный материал с территории Дикого Сада и окрестностей с августа 1927 года, т.е. именно этот год можно считать датой открытия Дикого Сада. Наиболее значимым событием того времени стало обнаружение большого бронзового котла. Сегодня, вместе с другими древними артефактами Дикого Сада, котел экспонируется в Николаевском областном краеведческом музее.

Второй этап исследований городища связан с работой в нашей области в 1956 году Причерноморской археологической экспедиции Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. Руководил экспедицией заведующий кафедрой археологии Л.М. Славин, а раскопками Дикого Сада – А.М. Малеваный. Экспедиция зафиксировала остатки каменных фундаментов первых помещений в северо-восточной части городища.

Во второй половине 1950-х годов сбор материалов с территории Дикого Сада возобновил и Феодосий Каминский (**третий этап** исследований городища). Эти сборы подъемного материала были последними исследованиями на территории городища в первой половине XX в. Ничего нового к вопросу о характере памятника они не добавили. Впоследствии за Диким Садам закрепилась репутация второстепенного, практически полностью уничтоженного природной эрозией, поселения.

С начала 1990-х годов начался **четвертый этап** исследований городища, связанный с именем Юрия Спиридоновича Гребенникова. Представление о памятнике постепенно менялось. Новые артефакты позволили пересмотреть культурную принадлежность памятника (Дикий Сад стали относить к белозерской археологической культуре), его структуру и характер. Были открыты новые жилые, хозяйственные и культовые объекты, значительно пополнилась и разнообразилась коллекция материальных предметов (керамическая посуда, предметы из бронзы, кости, рога и камня). В это время (1994 год) участие в раскопках начал принимать К.В. Горбенко.

С 1998 года начался **пятый этап** исследований Дикого Сада (экспедицию возглавил К.В. Горбенко). В это время были проведены

самые крупномасштабные раскопки памятника, которые стали самыми сенсационными за всю предыдущую историю исследований. Были обнаружены новые объекты (оборонительные рвы), абсолютно новые предметы – псалии, литейные формы, разнообразные бронзовые и костяные предметы, проведены комплексные анализы материалов раскопок.

Строительные остатки

Время существования Дикого Сада укладывается примерно в 200-250 лет. Сомнений о жизни на территории городища в таком большом временном диапазоне нет. Найдены остатки жилых и производственных помещений, существовавших практически одновременно, в них прослеживаются следы ремонтов и небольшой перепланировки.

Большинство углубленных сооружений «цитадели» и «предместья» были жилыми помещениями. Они имели форму прямоугольника с овальными углами, длинной осью вытянутые вдоль реки Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 5,0-6,0 до 7,0-8,0 м, углубленность от 0,3 до 0,8-1,1 м (жилая площадь составляла от 30,0 до 56,0 м²). Наземные конструкции использовались как хозяйственные сооружения – загон для скота, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных основ стен. Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоев с элементами перевязки. Крыши одно или двухскатные. Пол утрамбован, со следами неоднократной глиняной подмазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги. Ямы были заполнены керамикой, костями животных и рыбы, а некоторые ямы культового характера были преднамеренно засыпаны чистым грунтом и иногда содержали захоронение человеческого черепа без нижней челюсти, панцирь черепахи, мелкие «гадательные» камни [7].

Культовые комплексы «цитадели» городища представляли собой углубленные конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши были двухскатные, полы утрамбованы. На уровне полов этих сооружений находились ритуальные ямы. Заполнение ям содержало в разных сочетаниях человеческие черепа, панцири черепах, кости животных, разные керамические сосуды, камни. Большинство таких ям были перекрыты кострищами.

Особенный интерес представляет ритуально-культовый комплекс, состоящий из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1,0 м. Угол наклона пандуса составлял около 30°, а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня) [8].

Кроме этого, в заполнении ритуально-культового комплекса городища (помещение № 4) обнаружен керамический «диск» со следами знаковой системы напоминающий линейное письмо «Б» (эта система письма применялась в Микенской Греции). Символы были нанесены при помощи краски-пигмента черного цвета (рис. 5: 1). Восемь из примерно десяти-двенадцати представленных на керамическом диске символов, безусловно, похожи на некоторые символы линейного письма, которые можно поделить на дробно-весовые (\angle – 1/2, λ – 1/3 или 1/6, ρ – 5 кг какой либо массы или жидкости) и смысловые (\oplus – ka, S – ga, Ш – se, X – ke, Y – sa, A – e). Часть символов предварительно объединяются в некоторые смысловые комбинации: ka-ga-se – кухонная утварь, посуда; e-ka-ga – переносная жаровня; ka-ga – голова животного; ke-ga – дар. Последовательность символов ka-ga i ke-ga могут указывать на отдельную голову, или на часть тела животного, которых могли приносить в жертву в храме. При этом символы дробей могли означать части туш, кости которых в большом количестве обнаружено в помещении № 4. Среди этих символов есть и знаки, которые могут быть идеограммами. Например, знак «га» может означать реку (современный Ингул). Знак «ка» означает «колесо» или движение солнца по небу, а знак «se» – растительное «масло» [9].

Исходя, из приведенных данных можно предложить несколько версий использования жителями городища этого предмета:

- декоративная импортная вещь, которая использовалась без учета ее смыслового значения в храмовом комплексе;
- накладная на товар или договор купли-продажи, который утверждался в храме;
- определение количества товаров, привезенных на городище;
- предмет как часть какой-либо игры.

Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ри-

туальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали культ плодородия скотоводческой направленности.

Оборонительные укрепления городища состояли из двух рвов (внешний ров вокруг городища и центральный вокруг «цитадели») [10].

Внешний ров (ширина 2,0 м) проходил по оси юго-запад – северо-восток. Вдоль внутреннего борта рва располагалась каменная гряда. Исходя из расположения камней можно предположить, что это была облицовка внутренней стенки рва. Возможно также, что эта кладка выполняла функцию фундамента ограды или оборонительной стены.

Ров, ограждавший «цитадель» городища, в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток – северо-запад. Ширина рва 5,0 м, глубина 2,5-3,0 м. Заполнение рва насыщено керамикой, орудиями труда из камня, кости и бронзы, костями животных и рыбы, а также черепами и костями людей. В южной части рва располагался каменный фундамент моста (большие известняковые плиты). Фундамент моста был вытянут поперек рва по линии север-юг и состоял из двух фасадов. Длина фундамента моста почти 4,0 м, ширина 2,0 м. На дне внутренней части фундамента зафиксированы фрагменты керамики, костей животных и рыбы, а также остатки горелого грунта (следы совершения определенного ритуала, связанного с принесением строительной жертвы). Возможно, что жертва была принесена в керамических сосудах, которые были уложены в основание фундамента для предания конструкции крепости и мощности в сакральном аспекте. Сам мост был деревянным и служил для прохождения на «цитадель».

Второй фундамент моста располагался в северной части рва. В отличие от первого, второй каменный фундамент менее массивен (более мелкие известняковые плиты), и, вероятно, предназначался для более легкой конструкции деревянного моста. Второй мост соединял «цитадель» городища с его «предместьем», т.е. выполнял функцию внутренней коммуникации для пешеходного перехода.

За фундаментом второго моста располагался мощный завал камней. Расположение камней позволяет предположить, что это была некая прямоугольная или овальная конструкция, которая служила специальным оборонительным сооружением или сторожевым пунктом («бастион» или «башня»), при сооружении которого использовались различ-

ные материалы (камень, дерево, глина). Аналогичное скопление камней было зафиксировано и в южной части рва городища за фундаментом первого моста (сторожевая башня при въезде на «цитадель»).

Таким образом, сторожевые конструкции маркировали мосты городища и фланкировали ров «цитадели» в целом. При этом функцию оборонительной стены «цитадели» выполняли стены помещения, расположенных вдоль рва и примыкающих друг к другу [11].

В материалах памятника фиксируются различия и в социальной направленности отдельных комплексов. Они определяются по составу пищи (исходя из костных остатков), набору керамических сосудов, по «комфортности» помещений и количеству различных приспособлений в виде ям-погребов, ям-печей в различных помещениях, разнообразии культов, не дублирующих друг друга, а определяющих сложный жизненный цикл, связанный с охранной магией (черепки людей, антропоморфные стелы, специфические животные, огненные ритуалы). Вероятнее всего, жители практиковали торговые культы, культы плодородия (каменные макеты фаллосов) и культ предков.

Таким образом, в период расцвета городища (XII-XI вв. до н.э.) в его границах складывается четкая система городской планировки с наличием жилых, хозяйственных, ритуально-культовых, общественных и оборонительных сооружений, что дает основание считать Дикий Сад не простым поселком, а протогородом [12].

Материальная культура и ремесленное производство

Анализ материальных остатков позволяет выделить основные виды деятельности жителей городища, характер экономических и культурных связей.

Керамический комплекс (рис. 2-3) представлен основными формами, характерными для эпохи финальной бронзы. Среди них выделяются следующие виды посуды – корчаги, горшки разных типов, кубки, чаши, вазы, черпаки, миски, сковороды, жаровни. Разнообразны и орнаментальные мотивы (прочерченные линии, овальные и ногтевые вдавливания, валики, каннелюры, фигурные налеты, зубчатые и округлые штампы), характерные для археологических культур Надчерноморской ойкумены.

Специфическим показателем хозяйственной деятельности является большое количе-

ство различных по форме и размерам мисок-сковород, а также плоских округлых жаровен, орнаментированных в подавляющем большинстве косыми насечками и вдавливаниями по краю венчика.

Анализ этих и других признаков (керамическое тесто, способы формовки, лощение) позволяет определить их происхождение как в идеальном воплощении (культурное заимствование), так и в материальном (место изготовления, сырьё, мастер-изготовитель). Технологические особенности изготовления керамики дополнительных возможностей для выявления контактов с сопредельными регионами не дают, лишь примесь слюды в некоторых керамических фрагментах может свидетельствовать, возможно, об импорте из Трансильвании, где слюда является одним из компонентов керамического теста. Найдены также фрагменты керамики с розоватым ангобом, особенно внутренним, характерным для культур Центральной и Западной Европы. Присутствуют сосуды и местного производства, по текстуре и обработке поверхности, орнаменту, но изготовленные с использованием лекала, снятого явно с импортных образцов, прежде всего, характерных для ряда культур Балканского региона и Прибалтики. Образцами такого подражания (или прямого экспорта) являются необычный сосуд, вероятнее всего погребальная урна (рис. 3: 38), горшок с горизонтальными ручками (рис. 2: 22), а также ваза с упором, над которым выделяется граффити с оригинальным символом (рис. 2: 18). Граффити напоминает символ линейного письма «Б». Аналогичные символы зафиксированы на керамическом диске из помещения № 4 на территории «цитадели» (рис. 5: 1). Возможно, данные символы представляют знаки дробно-весовой системы, которая применялась в крито-микенской культуре.

Керамический комплекс предметов городища дополняют изделия из обожженной глины – плоские и биконические веретенные блоки, вотивная курильница, фигурка животного, керамические диски, «хлебцы», грузила и т.д.

Изделия из кости (более 120 предметов) относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в мастерских городища (рис. 4). Прослежен весь цикл изготовления: от кости, рога-заготовки до готового изделия и определения применения данного предмета. Костяные и роговые предметы представлены: псалиями – элементы конской узды;

пластиной для украшения головы коня (пластина для ременной узды); «коньками» – предметы для передвижения по льду; тупиками и стругами – орудиями для обработки кожи; поясным крюком; наконечниками гарпунов; наконечником стрелы; рукоятками для крепления шил; пуговицами, ножом и ложкой и др.

Впервые найдены такелажные инструменты – «свайки» (рис. 4: 2,3,4), приспособление для кручения канатов (рис. 4: 6). Возможно, принципиальная схема их изготовления пришла в наш регион из Средиземноморья. Хотя, если принять во внимание то обстоятельство, что мигранты XIII-XII вв. до н.э. из Средней и Восточной Европы, названные «народом моря», имели свои корабли, то изготовление такелажного инструмента вполне могло быть и местной традицией. Этот предмет изготовлен из рога животного и, вероятнее всего, является не рабочим, а ритуально-культурным (вотивным) предметом. Подобный инструмент, несомненно, применялся всеми навигаторами ойкумены, но изготавливался он из твердых пород дерева и поэтому не сохранился. Вотивные предметы предполагают определенный культ, а такой культ, все-таки, более характерен для народов, у которых морской промысел является основой жизнедеятельности.

Комплекс металлических изделий насчитывает 72 предмета (рис. 5). Среди них – кинжалы; ножи и ножи-пилки; шилья; рыболовный крючок; долото; булавки; большой котел; топоры-кельты; наконечник дротика; серьга и браслеты; набивные бляшки, пронизи, фибулы; фрагмент серпа. Непосредственно с бронзолитейным производством связаны находки трех каменных литейных форм (для отливки наконечника копья, уздечных колец и тесел) (рис. 6: 17, 18, 19); сопла (рис. 5: 4) и тигля. Типы изделий и анализ металла указывает на торговые контакты жителей городища в северном, западном и восточном направлении. Бронзовые ножи и бляшки имеют прямые аналогии в материалах Карпатского региона. Типы кельтов репрезентуют восточный и западный регионы Надчерноморья (типы Кардашинка, Negresti, Ruginoasa) [13]. Кроме этого в некоторых жилищах находились ямы-печи. Подобные печи были пригодны для вторичной обработки металла – переплавки мелких предметов, пайки, горячейковки и т.д.

Изделия из камня представлены более 200 предметами (рис. 6). Среди них выделяю-

тся молоточки-куранты, растиральники, зернотерки, наковальни, литейные формы, гирьки для отвесов, песты, votивные предметы антропоморфной формы (кремневая стела, большие известняковые фигурки и стелы). Они дают информацию о происхождении источников сырья (изготовленные из местных пород, которые добывались в долинах рек Ю. Буг и Ингул, и из пород, распространенных в других регионах – Южные Карпаты, Малая Азия, Средиземноморье). Особое внимание следует обратить на Средиземноморскую породу камня, которая в более позднее время привозилась в Ольвию в качестве корабельного балласта. Наиболее вероятно, в таком случае, связь с Малой Азией, хеттской Милувандой (позже, греческий город Милет). Следует отметить, что почти отсутствует камень восточного происхождения – Донбасс, Кавказ, Урал и т.д. Кроме этого анализ каменных предметов позволяет определить назначение орудий производства (орудия для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья).

Проведенный анализ позволил выделить основные виды ремесленного производства по видам деятельности. На одном из основных мест стоит обработка кости, найдено большое количество не только готовых изделий, но и заготовок и производственного брака. Очень важным производством была обработка дерева и ткачество: найдено большое количество каменных шаров для плоских горизонтальных подшипников, противовесов-маховиков для вертикальных токарных и ткацких станков, молоточков-курантов для обработки металла, возможно, для растирания красок, пряслица и веретенные блоки, зернотерки для обработки зерна. В принципе, подобная ремесленная деятельность известна в нашем регионе и в предыдущее время (сабастиновская культура), но появление новых типов изделий – псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент соответственно предполагает и появление инноваций в технологиях изготовления. Изготовление псалиев возникло, несомненно, на местной основе. Об этом свидетельствует полностью выявленный технологический ряд: от рога-заготовки до готового изделия.

Мастерская со столь полным технологическим процессом пока единственная во всем Евразийском регионе. Находки подобных псалиев на просторе от Дуная до Алтая позволяют утверждать о приоритете изготовления подобных изделий в нашем регионе. Можно также говорить о достаточной интенсивности

использования средств передвижения (коней) и о постоянном торговом потоке в регионе.

Об определенных связях свидетельствуют и ряд других предметов. В первую очередь это камень малоазийского (Эгейского) происхождения, попавший в виде балласта в регион после морских переходов. В этом же ряду стоят кости дельфина и косточки сушеного винограда, остатки пищи моряков во время плавания или дополнительный предмет торговли. Также был привезен череп росомахи, который использовался в votивных (ритуально-культовых) целях, возможно, самими мигрантами (путешественниками, купцами).

Учитывая все вышеизложенные факты, городище Дикий Сад можно охарактеризовать как наиболее яркое явление среди археологических памятников эпохи финальной бронзы южной Украины. Несомненно, Дикий Сад являлся важным стратегическим центром в конце II тыс. до н.э. в степной полосе междуречья Прута и Дона. По сути, Дикий Сад это единственный, из сохранившихся археологических памятников, который можно считать причерноморским городищем-портом времен легендарной Троянской войны и последующей истории. Вполне возможно, что городище Дикий Сад выполняло функцию культурно-религиозного и торгово-экономического центра южной части Восточноевропейского региона.

Кроме этого, материалы городища Дикий Сад указывают на контакты населения нашего региона с населением окружающих территорий ойкумены. Весь комплекс доказательств подобных контактов можно сформировать в следующие группы.

– Особенности планировки городища (соединение местных и пришлых архитектурных традиций, особенно в сфере фортификации и сооружений оборонительных рвов).

– Смешанный характер форм керамической посуды, которая имеет аналогии среди Эгейского и Балканского круга культур.

– Керамический диск с символами (самая загадочная находка в коллекции городища, возможно прямой импорт из эгейского мира).

– Каменные предметы, изготовленные из малоазийских и центральноевропейских пород, которые попали на городище вследствие экономического обмена.

– Наличие в хозяйственных и культовых ямах зерен культурного винограда, который в то время не выращивали в нашем регионе (виноград мог попасть на территорию городища только с территории нижнего течения р. Дунай).

– Бронзовые предметы, изготовленные из сырья западных регионов (Карпатских и Дунайских).

– Такелажный инструмент для ремонта судов.

В свете этих фактов интерес вызывает единственное упоминание в Одиссее Гомера племени киммерийцев – «...Там страна /народ/ (δημος) и город (πολις) мужей /людей/ киммерийских. Всегдашний Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце не освещает лучами людей, населяющих край тот,...» (Homer, XI, 10-15) [14]. Как видно из текста, у Гомера речь идет именно о стране (народе) и городе киммерийцев, а, согласно мнению ряда отечественных археологов, племена сабатиновской и белозерской археологических культур относились к раннему этапу формирования киммерийского этноса в Надчерноморских степях. Опираясь на эти слова, полностью правомерно утверждать, что городище Дикий Сад могло являться как раз этим центром – «градом людей киммерийских», о котором упоминает Гомер.

Доказать этот тезис помогут дальнейшие раскопки и анализ материальных предметов Дикого Сада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ванчугов В.П. Белозерская культура в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры / В.П. Ванчугов. – К., 1990. – С. 59-87.
2. Черняков І.Т. «Дикий Сад», Гомер, Геродот, Троя, ахейці та киммерійці (коментар одного археологічного відкриття в Україні) / І.Т. Черняков // Праці центру пам'ятокознавства. – К., 2010. – № 17. – С. 116-122.
3. Горбенко К.В. Лазар Мойсейович Славін та початок розкопок городища Дикий Сад / К.В. Горбенко // Історичні мідраші Північного Причорномор'я: Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції. – Вип. II / Голов. ред. Шитюк М.М. – М.: Видавець Шамрай П.М., 2013. – С. 83-95.
4. Gorbenko K.V., Grebennikov Y.S. The «Dykyi Sad» fortified settlement as a uniting link in the context of economic, political and cultural relation of 1200-1000 BC (the Baltic shore, the Pontic region and the Mediterranean) / Kirill V. Gorbenko, Yuriy S. Grebennikov // Routes between

the seas: Baltik-Boh-Bug-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC. Baltic-Pontic Studies. – Vol. 14. – Poznan: 2009. – P. 374-389.

5. Горбенко К.В., Пашкевич Г.О. Палеоетноботанічні дослідження на території городища Дикий Сад / Кирило Горбенко, Галина Пашкевич // Емінак: науковий щоквартальник. – 2010. – № 1-4 (5) (січень-грудень). – С. 5-19.
6. Gorbenko K.V., Grebennikov Y.S. Op. cit.
7. Горбенко К.В. Городище Дикий Сад, в контексте социально-экономических и культурных связей балтийского и черноморского регионов XIII-XI вв. до н.э. / К.В. Горбенко // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Научный и производственно-практический журнал. – Вып. № 4 (85). – Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины, 2014. – С. 44-49.
8. Горбенко К.В. Храмовый комплекс городища Дикий Сад / Кирило Горбенко // Аркасівські читання: історико-археологічні та етнологічні дослідження у контексті гуманітарного розвитку європейського суспільства: матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції (15-16 квітня 2016 р.). – Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2016. – С. 23-29.
9. Козленко Р.О. Знаки лінійної писемності на керамічному кружку з городища «Дикий Сад» / Р.О. Козленко // Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи). – Запоріжжя, 2015. – 153 с.
10. Горбенко К.В. Особливості фортифікації городища Дикий Сад / Кирило Горбенко // Воєнна історія: науково-популярний журнал. – Вип. 4-6 (70-72). – К., 2013. – С. 62-68.
11. Горбенко К.В. Оборонительные сооружения укрепленного поселения эпохи финального бронзового века Дикий Сад / К.В. Горбенко // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань-М.: «Отечество»; Институт Археологии РАН, 2014. – С. 543-547.
12. Горбенко К.В. Укрепленное поселение Дикий Сад в контексте древностей финальной бронзы Северо-Западного Причерноморья / К.В. Горбенко // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.): материалы. – СПб., 2016. – С. 118-122.
13. Дергачев В.А. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего Гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона / В.А. Дергачев. – Кишинэу, 1997. – 104 с.
14. Гомер. Одиссея. / Перевод В.В. Вересаева под ред. академика И.И. Толстого. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. – С. 126.

Горбенко Кирилл Основные аспекты материальной культуры городища Дикий Сад

Эпоха бронзового века стала по многим признакам переломной для народов Северочерноморской ойкумены. Наиболее показательным археологическим объектом региона Степного Побужья эпохи финальной бронзы есть городище Дикий Сад, которое расположено в историческом центре современного Николаева на высокой террасе мыса левого берега р. Ингул, в месте его слияния с р. Южный Буг.

Предложенная статья посвящена анализу основных археологических артефактов городища. Среди них наиболее значительными выступают остатки архитектурных сооружений, предметы материальной и духовной культуры.

Исходя из всего археологического комплекса городища, можно охарактеризовать Дикий Сад как яркое явление среди археологических памятников эпохи финальной бронзы степной полосы южной Украины, которое выполняло функцию культурно-религиозного, торгово-экономического и политического центра Восточной Европы.

Ключевые слова: финальная бронза, белозерская культура, городище, цитадель, помещение, ритуально-культульный комплекс, пандус, материальная культура, линейное письмо «Б»

Горбенко Кирило Основні аспекти матеріальної культури городища Дикий Сад

Епоха бронзового віку стала за багатьма ознаками переломною для народів Північночорноморської ойкумени. Найбільш показовим археологічним об'єктом регіону Степового Побужжя доби фінальної бронзи є городище Дикий Сад, яке розташоване в історичному центрі сучасного Миколаєва на високій терасі мису лівого берега р. Інгул, у місці його злиття з р. Південний Буг.

Запропонована стаття присвячена аналізу основних археологічних артефактів городища. Серед них найбільш значимими є залишки архітектурних споруд, предмети матеріальної та духовної культури.

Виходячи з усього археологічного комплексу городища, можна охарактеризувати Дикий Сад як яскраве явище серед археологічних пам'яток періоду фінальної бронзи степової смуги півдня України, яке виконувало функцію культурно-релігійного, торгово-економічного та політичного центру Східної Європи.

Ключові слова: фінальна бронза, білозерська культура, городище, цитадель, приміщення, ритуально-культовий комплекс, пандус, матеріальна культура, лінійне письмо «Б»

Gorbenko Kirill The Main Aspects of the Material Culture of the Hillfort Dikiy Sad

The epoch of bronze century has become, according to many signs, the turning point for the peoples of Northern Black-Sea-coast oikumene. The greatest model of the archaeological object of Steppe Pobughja region during the period of final bronze is the hillfort Dikiy Sad, which is situated in the historical centre of modern Mykolaiv on the high plateau of the cape of left bank of the river Ingul, in the place of its confluence with the river South Bug.

The article is devoted to the analysis of the main archaeological artefacts of the hillfort. Among them the most important are the remainders of architectural buildings, the objects of material and spiritual culture.

According to the archaeological complex of the hillfort we can describe Dikiy Sad as the bright phenomenon among the archaeological monuments of the period of final bronze of the steppe line of the South Ukraine, which fulfil the function of cultural and religions, commercial and economical and political centre of Eastern Europe in II-I millennium B.C.

Keywords: final bronze, ilozersk culture, hillfort, citadel, apartment, ritual-cultic complex, ramp, material culture, Line letter «B»

Рецензенти:

Гаврилюк Н.О., д.і.н., професор

Гребенніков Ю.С., к.і.н., доцент

Надійшла до редакції 10.11.2016 р.

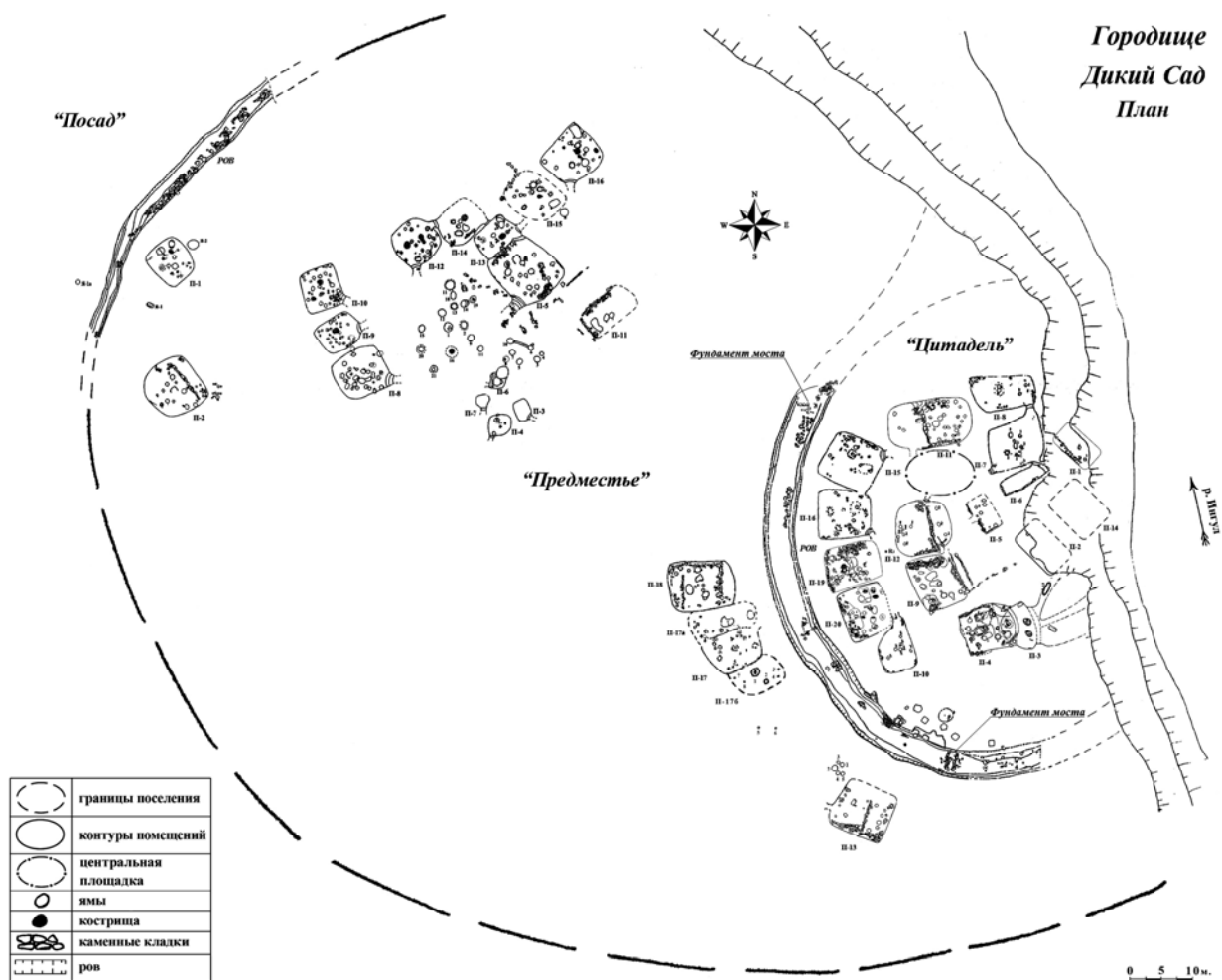

Рис. 1. План городища Дикий Сад

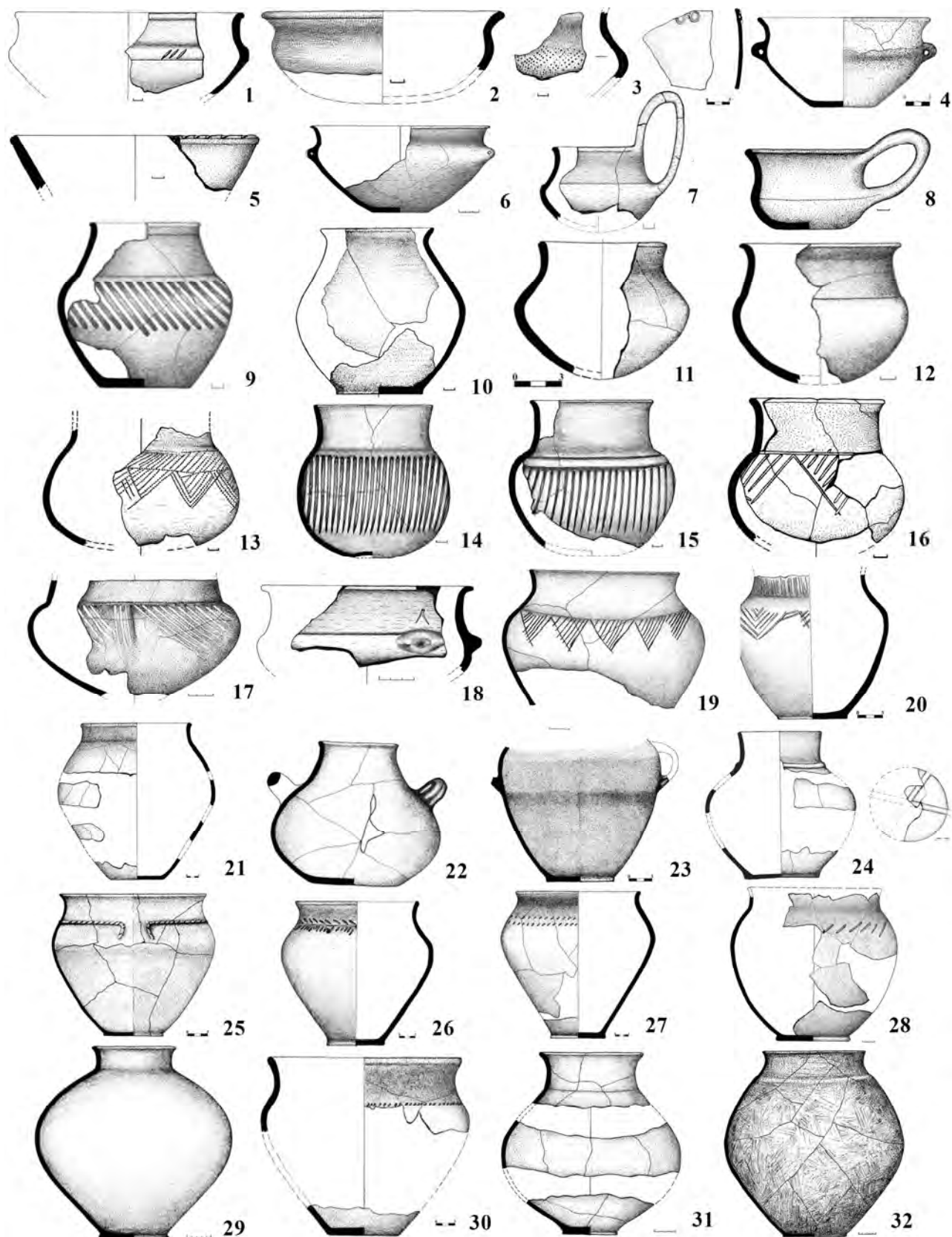

Рис. 2. Керамическая посуда («цитадель» и ров)

1, 2 – миски; 5 – миски-сковороды; 3:2 – стенка сосуда с налетом; 4, 6, 17, 18 – вазы; 7, 8 – черпаки; 3, 11, 12, 13, 14, 15, 16 – кубки; 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 30 – горшки; 9, 10 – кубковидные горшки; 22, 23 – сосуды с ручками; 29, 31 – корчаги; 32 – протопифос.

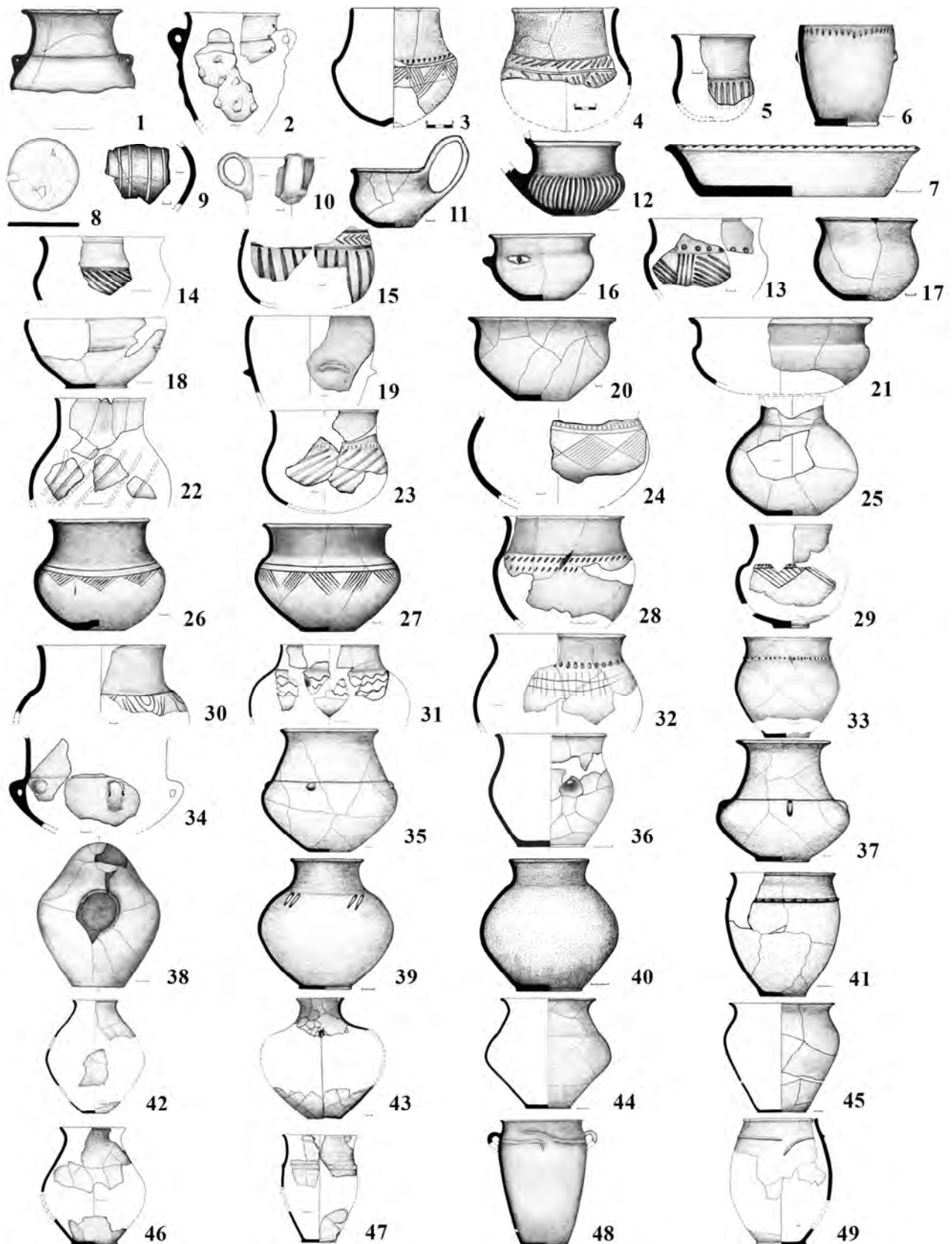

Рис. 3. Керамическая посуда («предместье» и дальний ров)

- 1, 3, 4, 5, 13, 14, 15, 17, 23 – кубки; 6 – банковидный горшок; 7 – миска-сковорода;
 8 – плоская жаровня; 9 – стенка лощеного кубка с канелюрами; 16, 20 – вазы;
 2, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 37 – кубковидные горшки; 18, 19, 21 – миски;
 10, 11, 12 – черпаки; 31, 32, 33, 40, 41, 45, 47, 48, 49 – горшки; 38 – урна;
 39, 42, 43, 44, 46 – корчаги.

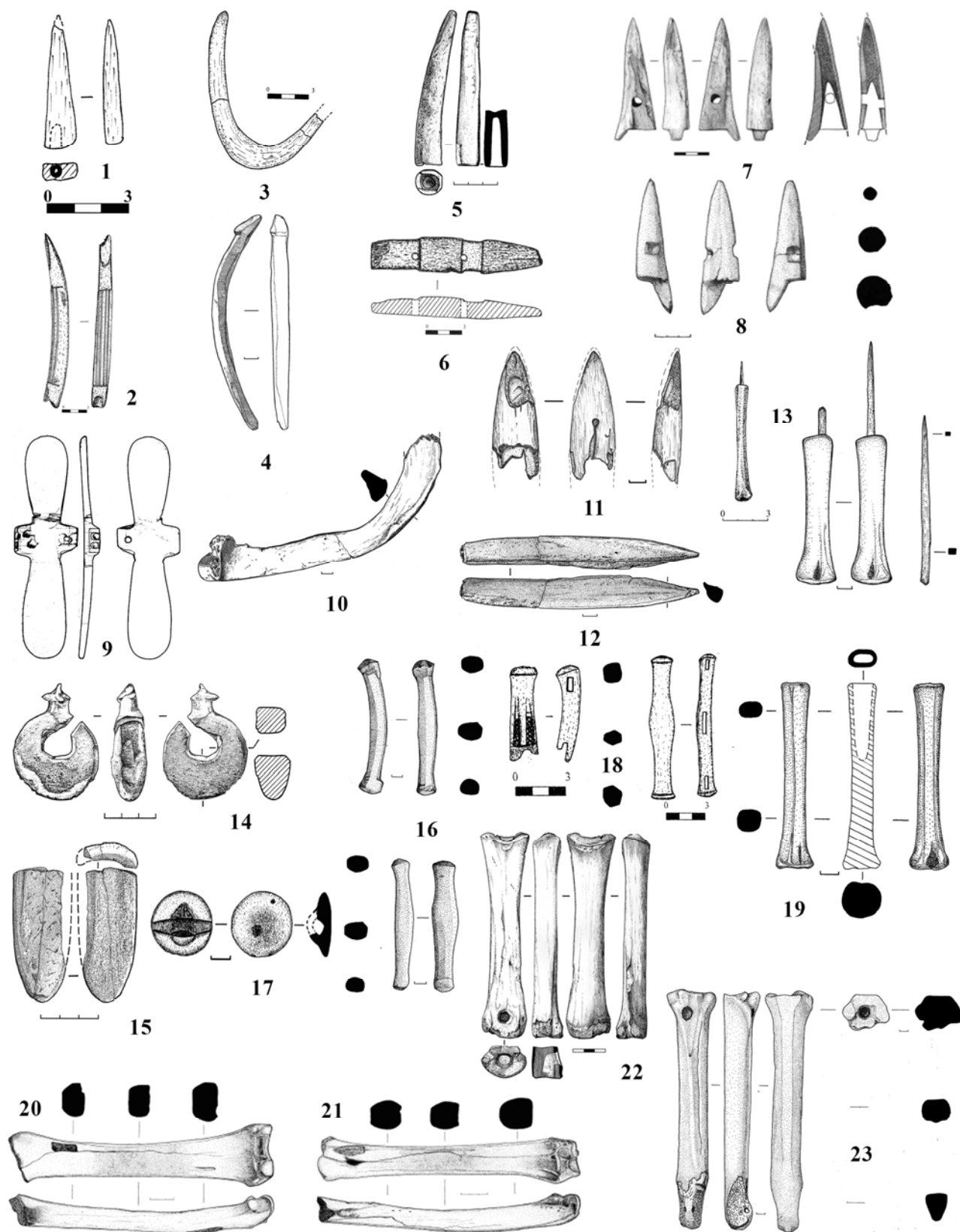

Рис. 4. Изделия из кости и рога животных

1 – стрела; 2, 3, 4 – свайки; 5, 13, 19 – ручки для шила; 6 – такелажный инструмент для плетения;
 7, 8, 11 – наконечники гарпунов; 9 – пластина для ременной узды; 10 – тупик; 12 – нож; 14 – ременной крюк;
 15 – ложка; 16, 18 – псалии; 17 – пуговица;
 20, 21, 22, 23 – «коньки».

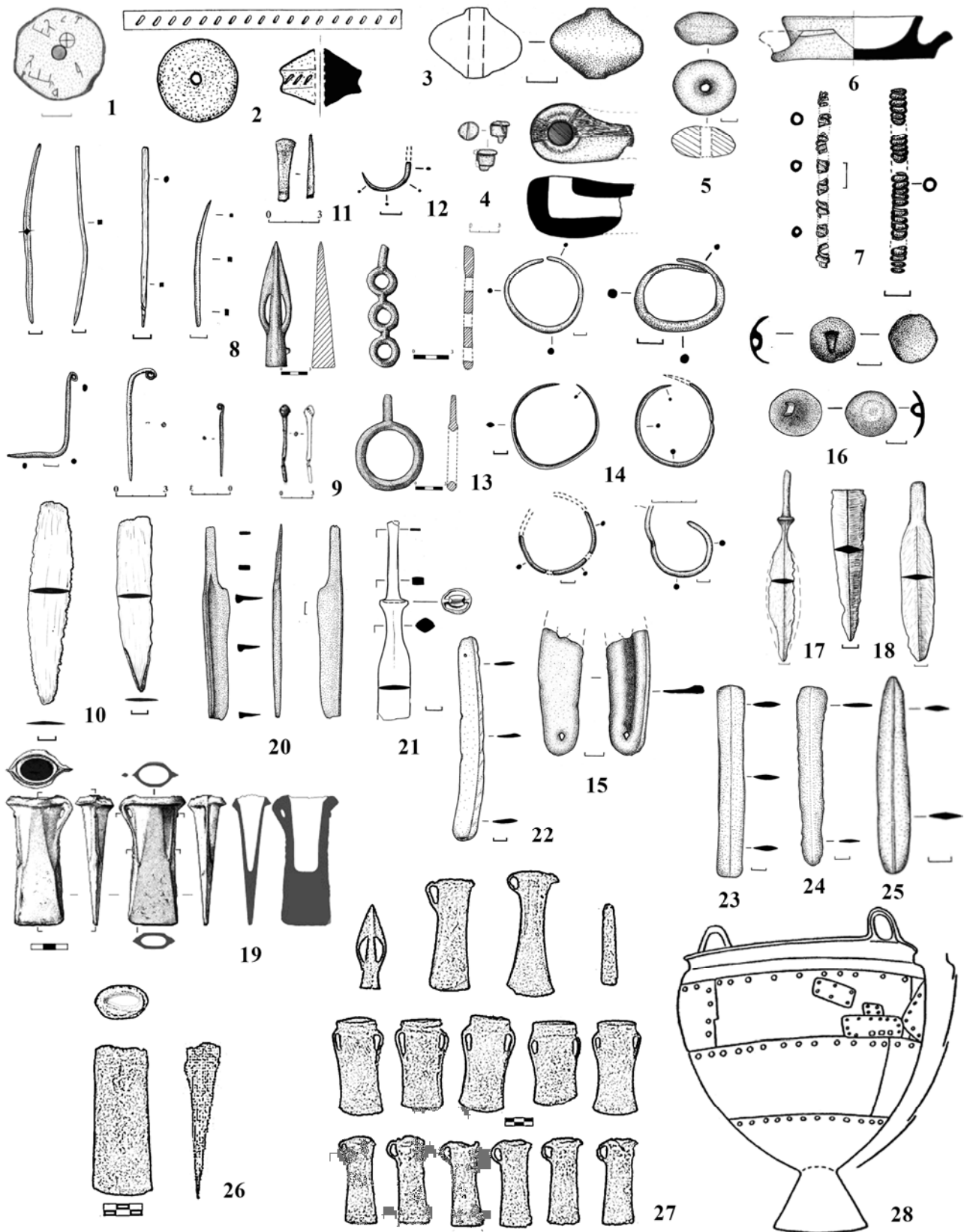

Рис. 5. Керамические изделия и предметы из бронзы
1-6: керамические изделия. 7-28: бронзовые предметы

1 – керамический диск с символами; 2, 3, 5 – веретенные блоки; 4 – сопло с пробкой; 6 – курительница; 7 – про­
 низи; 8 – шилья; 9 – фибулы; 10, 18, 20 – ножи;
 11 – миниатюрное тесло; 12 – рыболовный крючок; 13 – макет предметов из литейной формы; 14-браслеты
 и серьга; 15 – фрагмент серпа; 16 – набивные бляхи; 17, 21 – кинджал; 19 – кельт; 22, 23, 24, 25 – ножи-пилки;
 26 – кельт; 27 – клад бронзовых предметов (наконечник дротика, нож-пилка, кельты); 28 – котел.

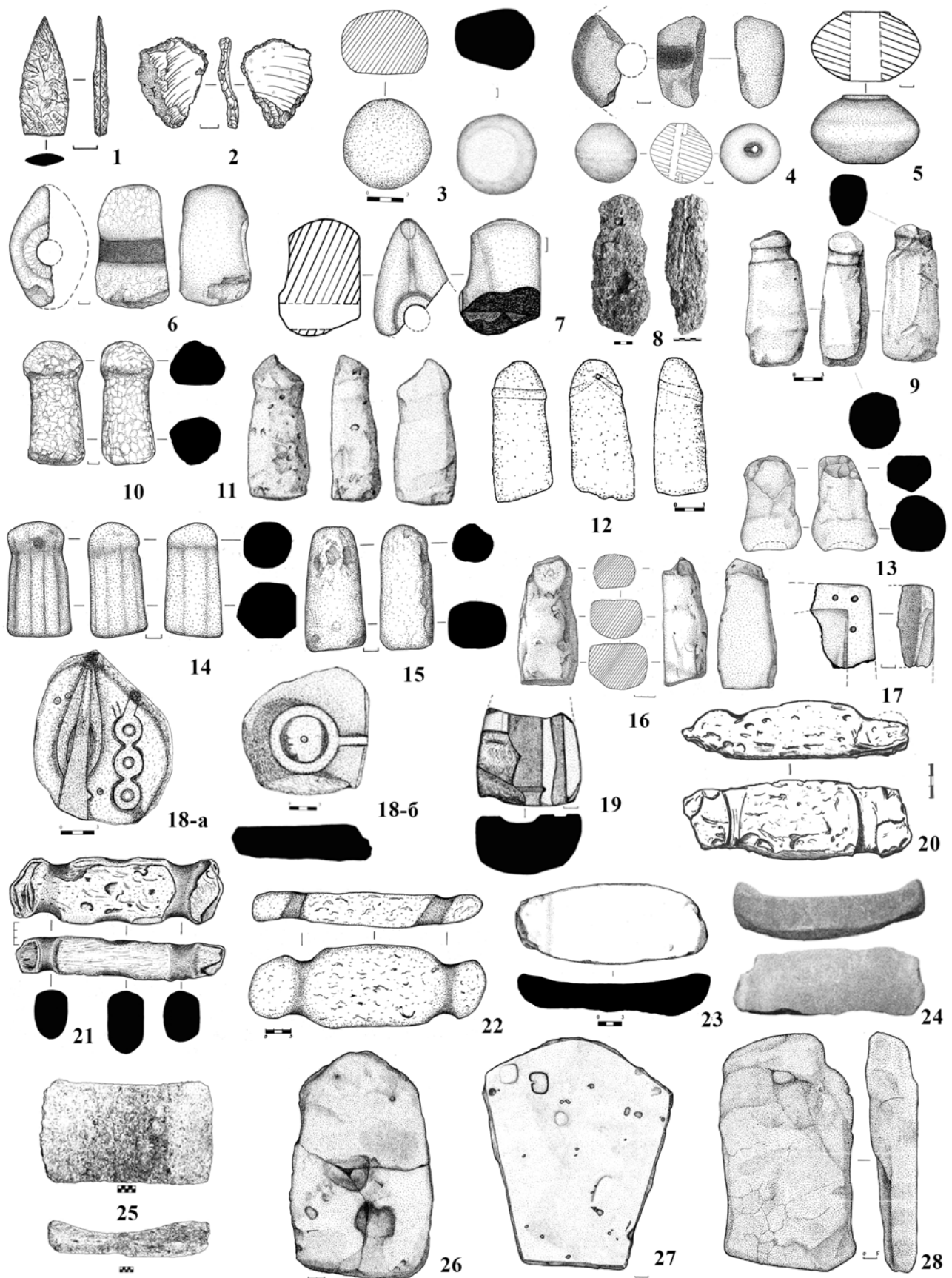

Рис. 6. Предметы из камня и кремня

1 – кремневый наконечник стрелы; 2 – кремневая votивная стела; 3 – куранты; 4, 5 – булавы; 6, 7 – сверленные топоры; 8 – женская известняковая статуэтка со следами охры; 9 – отвес; 10, 11, 12 – каменные фаллосы; 13, 16 – антропоморфные фигурки; 14, 15 – песты; 17, 18, 19 – литейные формы; 20, 21, 22 – большие отвесы или якоря; 23, 24 – растиральники для зерна; 25 – зернотерка; 26, 27, 28 – антропоморфные стелы.